

На вопросы Лань Циня Чэнь Хуцзинь отвечал уклончиво и спустя долгое время так и не смог дать вразумительного ответа.

Чэнь Хуинь, не обращая внимания на замешательство брата, с гордым видом повела Лань Циня к небольшой каморке, спрятанной за поминальными табличками. Лань Цинь, разумеется, не собирался упускать такой шанс и решительно последовал за девушкой. В конце концов, для такого второстепенного персонажа, как он, чем опаснее место, тем важнее его посетить, а в нужный момент можно и притвориться, что интеллект временно отключился. Сейчас, когда оба главных героя уже появились на сцене, его собственное присутствие в качестве статиста выглядело явным недочетом. Даже в отсутствие Системы 1122 Лань Цинь считал, что обязан сохранять профессионализм.

Войдя в довольно просторную каморку, Лань Цинь первым делом обратил внимание на красное свадебное платье, брошенное на деревянную стойку. Но куда больше его заинтересовало то, что помимо этого единственного наряда, в комнате стояло еще около двух десятков таких же стоек. Все они, однако, оказались пустыми. Присмотревшись, Лань Цинь заметил, что дерево выглядит довольно древним, а на самих стойках вырезаны странные, пугающие узоры.

— Этим стойкам, должно быть, уже несколько сотен лет? — спросил Лань Цинь, попутно делая несколько снимков на фотоаппарат.

Чэнь Хуинь лишь улыбнулась, кивнула, а затем покачала головой, предлагая гостю самому догадаться. Она совершенно не замечала брата, полностью сосредоточив свое внимание на Лань Цине.

Лань Цинь сделал еще несколько фотографий роскошного свадебного платья и решил, что на этом экскурсию по святилищу пора заканчивать. Он искренне поблагодарил брата и сестру за интересный рассказ об истории этого места и за возможность сделать снимки. Можно было считать, что командировка в целом прошла успешно.

Взглянув на красное платье еще раз, Лань Цинь на мгновение содрогнулся: в какой-то момент ему показалось, что алая ткань — это текущая свежая кровь, а вышитые на ней птицы и цветы вот-вот оживут. Это зрелище вызвало у него невольное отвращение.

Он решил рискнуть с догадкой:

— Раз уж вы сказали, что это святилище было возведено тысячу лет назад в честь Наследного принца Янь династии Великая Цинь, неужели эти стойки тоже ровесники храма?

Чэнь Хуинь хлопнула в ладоши, склонила голову набок и с радостной улыбкой похвалила Лань Циня за догадку.

Покинув каморку, Лань Цинь бросил взгляд на самую высокую поминальную табличку на алтаре. Начертанные на ней знаки были ему совершенно непонятны, но, очевидно, там было выбито имя того самого Наследного принца Янь — имя, которое за долгие века стерлось из

памяти людей.

Лань Цинь поспешно отвел взгляд, даже не подозревая, что однажды это зловещее красное платье насильно наденут на него самого, превратив в жертву для божества-призрака и сбросив в Реку Ста Призраков.

Если, конечно, ему удастся выбраться из деревни Шилин живым.

Чэнь Хуцзинь, вошедший следом, остался явно недоволен тем, как сестра притворяется паинькой, и даже закатил глаза у Лань Циня за спиной.

Уходя из святилища, брат и сестра настаивали на том, чтобы проводить Лань Циня до дома, но он вежливо отказался. Перед расставанием они пообещали, что завтра, если будет время, обязательно найдут его и принесут кое-что, что заинтересует его еще больше.

Реакция Лань Циня наполнила сердца брата и сестры не только грустью от расставания, но и сладким предвкушением завтрашней встречи.

Отец брата и сестры, староста деревни, сидел с бамбуковой трубкой в зубах. Увидев детей, он окинул их холодным, мрачным взглядом, а затем указал трубкой на еду, стоявшую на столе, давая понять, что пора ужинать.

В деревне Шилин проживало триста человек, и четырех порций плоти на всех не хватало. Даже староста получил лишь три куска мяса размером с ладонь и полную миску свежей крови. Очевидно, это были останки тех четырех чужаков, что прибыли в деревню сегодня.

Живые мертвецы испытывали непреодолимую тягу к плоти и крови живых людей. Они чувствовали, что их симпатия к Лань Циню была отчасти продиктована этим неконтролируемым инстинктом. Однако, как ни странно, они не хотели пожирать его, а, напротив, стремились защитить.

— Чего застыли? Живо за стол! — буркнул староста. — Смотрите, а то кожа с костей слезет, еще напугаете этого вашего Лань Циня до смерти.

Тон старосты был резким; он был явно недоволен тем, что оба его ребенка привязались к этому симпатичному чужаку.

Чэнь Хуинь смотрела на кусок плоти в старой фарфоровой миске и невольно сглатывала слюну, чувствуя при этом отвращение к самой себе. Она глубоко осознавала, что недостойна Лань Циня. Она — чудовище, которое за сто с лишним лет жизни не покидало пределов деревни Шилин.

Чэнь Хуцзинь смотрел на кровавое мясо с тем же ужасом и одновременно с жадным голодом. В последний раз он ел несколько месяцев назад, а в преддверии Жертвоприношения Духам и Божествам потребность в крови обострилась до предела. Если не поест сейчас, они превратятся в безмозглых Ходячих трупов. Это было бы настоящей катастрофой. В деревне таких несчастных просто сбрасывали в Реку Ста Призраков, которая становилась могилой для обезумевших жителей.

Староста не мог позволить своим детям разделить такую участь, поэтому регулярное питание было необходимостью. Однако он никак не ожидал, что в этот раз его дети проявят нежелание есть.

Мысли старосты невольно вернулись к событиям двухсотлетней давности. Тогда он еще не был старостой и полюбил молодую женщину, случайно забревшую в деревню. Позже она стала его женой и матерью его детей. Но он вынудил ее остаться, используя в качестве рычага давления ее жениха...

Староста знал, что он подлец. Тогда им двигала лишь всепоглощающая страсть, но последующие годы доказали, что он совершил ошибку. Он ни за что не допустит, чтобы его дети повторили его судьбу.

Поэтому этот Лань Цинь должен умереть!

Лань Цинь, возвращавшийся в свое жилище в одиночестве, не подозревал о смертельной угрозе, исходящей от старосты. Впрочем, даже если бы он знал, это его не испугало бы. Ведь судьба статиста — умереть пораньше, иначе какой в этом смысл?

Лань Цинь думал, что Ян Цзянь все еще сидит у реки в поисках рыбы, но, войдя в дом, увидел его сидящим на кровати спиной к дверям. С него на пол стекала вода.

В пустой комнате фигура мокрого человека, от которого исходил мерный звук капающей воды, выглядела довольно жутко. Но Лань Цинь не испугался. Он подошел к Ян Цзяню и похлопал его по плечу, спрашивая, что случилось.

Ян Цзянь медленно повернулся, его тело было сковано судорогой. Лань Цинь уже приготовился увидеть самое страшное и кровавое зрелище. Однако, к его удивлению, лицо Ян Цзяня выглядело совершенно обычно, если не считать остекленевшего взгляда, полного шока и оцепенения.

Неужели он увидел у реки что-то ужасное? — подумал Лань Цинь, слегка нахмурившись.

На заботливые вопросы Лань Циня Ян Цзянь лишь дрожал бледными губами, не в силах

вымолвить ни слова. Его разум все еще был погружен в ту кошмарную сцену, которую он наблюдал у берега.

Лань Цинь не стал давить на него. Он достал из рюкзака Ян Цзяня чистую одежду и попросил его переодеться, чтобы тот не простудился.

Услышав это, Ян Цзянь вздрогнул всем телом. Забыв о собственном состоянии, он вцепился в руки Лань Циня, и его голос сорвался на крик:

— Лань... Лань Цинь! Мы... мы должны немедленно уходить! Убираться отсюда! Если мы не уйдем... мы умрем! Мы все здесь погибнем!

<http://bllate.org/book/22225/2319552>